

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том № 268

ноябрь

1999

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант — 1561-7793; электронный вариант — 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного Центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Зиновьев В.П.** Исследования по истории Сибири в Томском государственном университете
в конце 1980-х – 1990-е гг. 4

ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

- Сагалаев А.М.** Архаичное миропонимание и современный менталитет России
(к постановке проблемы) 9
- Казаркин А.П.** Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири 11
- Кулемзин В.М.** Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения 13
- Жеравина А.Н.** П.И.Макушин и «Детский сад по методу Фребеля» в Томске 14
- Малолетко А.А.** Казаки в истории Кольваново-воскресенского
(Алтайского) горного округа (1726–1917 гг.) 19
- Есипова В.А., Климкин В.М., Чернявская Ю.О.** Бумага как исторический источник:
некоторые перспективы изучения 22

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

- Завещание и смерть Н.М.Ядринцева.** Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 26
- Письма А.В. Лаврской (Потаниной) Н.М. Ядринцеву (1873–1874 гг.).**
Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 31

ФИЛОЛОГИЯ

Литературоведение

- Поплавская И.А.** Мотив покоя в раннем творчестве В.А. Жуковского 34
- Яиушкевич А.С.** К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Из статей в «Онегинскую энциклопедию» 37
- Седельникова О.В.** Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского 45
- Казак А.А.** Архетип смерти в структуре «финальной гармонии» Ф.М. Достоевского 54
- Реморова Н.Б.** Кедрин и Ходасевич. «Стагги о русской поэзии» В. Ходасевича
в чтении и восприятии Дм. Кедрина (по материалам кедринской библиотеки) 58
- Рыбальченко Т.Л.** История литературы XX века как история литературных течений 68
- Антошина Е.В.** Ранняя проза В. Набокова в контексте христианской философии искусства 73
- Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому.** Публикация, научный комментарий
и примечания Реморовой Н.Б. 76

Языкознание

- Резанова З.И.** Язык и человек: субъектно-объектные отношения (варианты интерпретации
в европейской культурной традиции) 86
- Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф.** Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности 89
- Блинова О.И.** О чем звонят колокола? (стилистические этюды) 94
- «... я, может быть, стал более строго отбирать слова и потому достиг некоторого совершенства»**
(к 100-летию со дня рождения М.В. Исаковского) 96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Петров Ю.В.** Философия как философия культуры 98
- Видгоф В.М.** Эстетическая реальность как предмет философской рефлексии 101
- Доманский В.А.** Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы 106
- Барнашова Е.В.** Взаимосвязь натуралистических и эстетствующих тенденций
в европейской художественной культуре XIX века 110

ПСИХОЛОГИЯ

- Кабрин В.И.** Транскоммуникативная холодинамика психологического универсума личности
(«Стресс – Транс – Формация») 115
- Рождественская Е.А.** Особенности проявления тревожности и ригидности
в актуальном состоянии преподавателей, переживающих коммуникативный стресс 120

ИСТОРИЯ ТГУ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

- Разумов О.Н.** Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь
(к 150-летию со дня рождения) 123

Могильницкий Б.Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ: А.И. Данилов – создатель Томской историографической школы	126
Галкина Т.В., Топчий А.Т. Первый этнограф Томского университета	133
Кабрин В.И. Факультет психологии ТГУ	137
Петров Ю.В. Культура как самоосуществление духа (к пятилетию открытия культурологического факультета)	140
Гураль С.К. Факультету иностранных языков – 5 лет	144

КОНФЕРЕНЦИИ. СИМПОЗИУМЫ

Международный симпозиум «Психологический универсум образования человека ноэтического» (г. Томск, 27–29 сентября 1998 г.)	148
Клюевская конференция в Томске (16–18 сентября 1999 г.)	150
Девятая конференция «Проблемы метода и жанра» (г. Томск, 8–10 декабря 1998 г.)	152
Семинарий библиотеки Конгресса США в Томске (ноябрь 1998 г.)	154

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Вершинский словарь	155
Пойзнер Б.Н. Наследие РАХН – университет для гуманитариев университета	156

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ

Можаева Г.В., Вымятнин В.М. Дистанционное обучение в преподавании истории: проблемы и перспективы	158
Абакумова Н.Н., Комаровская Л.В. Опыт формирования учебных программ на основе комплексного компьютерного тестирования школьников	161

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михалева Л.В. Педагогическая эффективность реализации дидактических принципов обучения в учебном процессе в ВУЗе	167
Обдалова О.А. Особенности урока иностранного языка в ВУЗе как сферы воздействия иной культуры	169

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Наши юбиляры

Черкасова О.Г. (с. 172), Петров Ю.В. (с. 173), Сотников В.В. (с. 175), Симахина Л.Ф. (с. 176), Захарова Л.А. (177), Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух	178
Голишева Л.А. (с. 184), Янушкевич А.С. (с. 186), Баронас А.П. (с. 187), Дунаева Н.Л. (с. 187), Бурова Т.Т. (с. 188)	

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189
-----------------------------------	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	192
---	-----

CONTENTS

REVIEWS

V.P. Zinovyev Study of the history of Sideria of Tomsk State University end of 1980s – 1990s	4
--	---

HISTORY. COUNTRY STUDI

A.M. Sagalaev. Archaic world outlook and modern mentality of Russia	9
A.P. Kazarkin. Regional and euroasian ideasin the literature of Siberia	11
V.M. Kulemzin. Traditional cultures of Siberia: peopl's consiousness and market relationships	13
A.N. Zheravina. P.I. Makushin and «kindergarten by Frebel method» in Tomsk	14
A.A.Maloletko. Cossacs in history of the Kolyvano-voskresensk (Altai) mountain region (1726–1917)	19
V.A. Esipova, V.M. Klimkin, Y.O. Tschernjavskaja. Paper as a historical source: some perspectives of studying	22

POTANIN'S READINGS

WILL AND DEATH OF N.M. JADRINSEV. Publication and scientific commentaries by N.V. Serebrennikov	26
THE LETTERS OF A.V. LAVRSKAYA (POTANINA) N.M. JADRINTSEV (1873–1874). Publication and scietific commentaries by N.V. Serebrennikov	31

PHYLOLOGY

Literary criticism

I.A. Poplavskaya. The motiveof rest in the early works of V.A. Zhukovsky	34
A.S. Yanushkevich. To the 200th anniversary from the birst of A.S. Pushkin From the articles in «Onegin-encyclopaedia»	37
O.V. Sedelnikova. About the forming of Dostoevskiy pochvenichestvo	45
A.A. Kazakov. The archetype of the death in the structure «the final harmony» by Dostoevsky	54
N.B. Remorova. Kedrin and H0dasevich. «Articles about russian poetuy» of V. Hodasevich in the reading andperception of Dm. Kedrin (on the materials of kedrin's library)	58
T.L. Ribalchenko. The history of literature in the XXth century as the history of literany trends	68
E.V. Antoshina. Early prose of V. Nabokov in the context of christian art philosophy	73
LETTERS OF F.P. LITKE TO V.A. ZHUKOVSKY. Pablication, scientific comment and notes belong to N.B. Remorova	76

LINGUISTICS

Z.I. Rezanova. Language and man: subject-object relation	86
E.V. Ivantsova, T.F. Volkova. The reflection of the linguistic picture of the world in the compare suite of the dialectic personality	89
O.I. Blinova. What do the bells ring about? (stylistic essays)	94
«...may have begun to select words more carefully, that is why have reached some perfection» (the 100-th anniversary since the birth M.V. Isakovskiy)	96

CULTURE STUDY

Yu. V. Petrov. Philosophy as philosophy of culture	98
V.M. Vidgoff. Esthetic reality as a subject of philosophical reflexing	101
V.A. Domansky. Dialogue of cultures and dialogue in the culture of studying literature	106
E.V. Barnashova. A cjrrektion of naturalistic and aesthetic tendencies in european art cultura in the XIX anturu	110

PSYCHOLOGY

V.I. Kabrin The Psychological personality's universum transcommunicative holodynamics («Sress-Trance-Formation»)	115
E.A. Rozhdestvenskaya. The peculiarities of the teachers anxiety and rigity manifestation in the actual state of the communicative stress	120

THE HISTORY OF THE TSU AND HIGHER EDUCATION IN SIBERIA

O.N. Rasumov. Aleksander Michaylovich Sibiryakov – a manufacturer, mecenate, investigator (the 150-th anniversary since his birth)	123
B. G. Mogilnizky. From the history of historical education coming into existence at Tomsk State University: A.I. Danilov – founder of Tomsk historiographic school	126
A.T. Topchij, T.V. Galkina. The first ethnographer of Tomsk State Universiti	133
V.I. Kabrin. The psychology department of the TSU	137
Yu.V. Petrov. Culture as self-vealization of spirit (by the fifth anniversary of the opening of the culturological faculty)	140
S.K. Gural. Faculty of foreign languages – 5 years	144

CONFERENCES. SIMPOSIA

International symposium «Psychological universum of noetic person's education» (Tomsk 1998, september, 27–29)	148
Klujev's conference in Tomsk (1999, september, 16–18)	150
Ninth conference on «Problems of method and ganre» (Tomsk 1998, december, 8–10)	152
The semenary of the USA Congrtrss Librart in Tomsk (1998, november)	154

REVIEWS. CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

Vershin's dictionary	155
B.N. Poyzner. RAKhN Itgaky as university for university lectures of the humanities univtrsty	156

CURRENT TECHNOLOGITS AND METHODS

G.V. Mozhaeva, V.M. Vymyatnin. Distant learning in history training: problems and prospekts	158
N.N. Abakumova, L.V. Komarovskaya. The experience of educational programs development on the basis of the complex computer testing of pupils	161

PROBLEMS OF UNIVERSITY EDUCATION

L. V. Mikhaliyeva. Pedagogical effectiveness of the didactic principles realization in high school educational process	167
O.A. Obdalova. Peculiarities of foreign language teaching in high school as a sphere of another culture influence	169

MEMOIRS. MEMORY DATES. PERSONALITIES

Our jubilants

O.G. Cherkasova (p. 172), Yu.V. Petrov (p. 173), V.V. Sotnikov (p. 175), I.F. Simachina (p. 176), L.A. Zacharova (p. 177), L.N. Hmylev, I.Yu. Nicholaeva. A teacher who teaches letters but strengthens spirit	178
L.A. Golisheva (p. 184), A.S. Yanushkevich (p. 186), A.P. Baronas (p. 187), Dunaeva N.L. (p. 187), Burova T.T. (p. 188)	

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	189
---	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	192
--	-----

3. История педагогики / Под ред. М.Ф. Шабаевой: Уч. пособие для студентов пед. институтов по специальности № 2110 «Педагогика и психология (дошкольная)». М.: Просвещение, 1981. С. 56–62.
4. Фролова О.А. Е.Н. Водовозова о воспитании детей дошкольного возраста. М.: Учпедгиз, 1949.
5. Фролова О.А. Система учреждений дошкольного воспитания в СССР: Пособие к изучению курса дошкольной педагогики для студентов-заочников дошкольных отделений пед. институтов. М., 1962. С. 39.
6. Творческие игры в детском саду. Из опыта работы московских детских садов / Сост. Д.В. Меджеричкая, Е.Д. Татищева. Минск, 1953. С. 197.
7. Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники): Сб. науч. тр. / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980. С. 7.
8. Лакин И.Е. Хрестоматия по истории педагогики. Минск: Высшая школа, 1971. 608 с.
9. Проблемы воспитания в истории советской и зарубежной педагогики: Сб. тр. М., 1977. 205 с.
10. Зейлингер-Рубенштейн Е.Н. Очерки по истории воспитания и педагогической мысли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 108 с.
11. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. М.: Просвещение, 1981. 528 с.
12. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История педагогики. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1982. 447 с.
13. Вопросы истории педагогики: Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К.Д. Ушинского. Томск, 1975. 192 с.
14. Огородникова И.И. Теоретическое обоснование целей и задач воспитания // Борьба прогрессивных и реакционных течений в педагогике Запада эпохи монополистического капитализма (конец XVIII – XIX вв.) // Сб. научн. тр. М., 1983. С. 24–32.
15. Менделина С.Л. Разработка проблемы методов и организационных форм обучения в буржуазной педагогике // Там же. С. 32–39.
16. Ушинский К.Д. Отчет о командировке за границу // Собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М.–Л.: Изд-во Акад. пед. наук, 1948. С. 497–500.
17. Фребелевское общество // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. XXXVI. С. 688.
18. Сталева Т.В. Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск: Томское книж. изд-во, 1990.
19. Томские Губернские ведомости (далее – ТГВ). 1874. № 32. 17 августа.
20. Реклам // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. XXVI. Кн. 52. СПб., 1899. С. 528–529.
21. Корф Н.А. // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. XVI. Кн. 31. СПб., 1895. С. 355–356.
22. ТГВ., 1875. № 40. 11 октября.
23. ТГВ., 1876. № 21. 29 мая; 1877. № 5. 29 января.
24. Свод постановлений Томской городской Думы с 1876 по 1881 г. Томск, 1903. С. 863.
25. Полувековой юбилей П.И. Макушина. Томск, 1917. С. 171.

Статья поступила в научную редакцию 20 марта 1999 г.

УДК 94/99; 93/99(4/9)

А.А. Малолетко

КАЗАКИ В ИСТОРИИ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА (1726–1917 гг.)

Описана роль казачества в истории горного округа, структура воинства, служба. Охранную службу в округе несли бело- и черноместные, городовые, горные и линейные казаки.

Известный уральский заводчик А.Н. Демидов подал 19 января 1726 г. в Берг-Коллегию заявку на восемь месторождений, упомянув руды «над озером Колываном» и «со Змеевой горы». 16 февраля 1726 г. им была получена Берг-привилегия – разрешение на добычу руд и выплавку меди «в Томском и Кузнецком уездах». К началу 1727 г. на берегу Локтевки появился небольшой посёлок мастеровых, высилась деревянная крепость и дымили две плавильные печи, в которых переплавляли руду из близлежащего Воскресенского месторождения. С этого и началось горнопромышленное развитие края. Однако заводы оказались вблизи крайне беспокойных регионов, откуда в любую минуту могли нагрянуть воинственные кочевники. Требовалась охрана заводов и первых русских поселений. В то время в Западной Сибири «силовики» были представлены гарнизонами регулярного и иррегулярного воинства.

По указу Сената на алтайские заводы были посланы «из городовых казаков посменно команды», а также солдаты Кузнецкого гарнизона и беломестные казаки Бердской и Белоярской крепостей. Главную роль в охране округа и поддержании «порядка и спокойствия» в нем играли казаки.

Городовые казаки охраняли заводы с самого момента их строительства. К осени 1727 г. для защиты завода Демидов получил 50 тарских казаков, которых он вооружал и содержал на свой счёт. Но заводской канцелярии казаки требовались не только и не столько для охраны, сколько для горнозаводских работ. В декабре 1747 г. военная коллегия разрешила определять в работу военнослужащих, если для обороны «нужды не будет». Казаки работали на заводах и рудниках, жгли уголь, гнали дёготь и смолу. Однако горное начальство не считало это лучшим выходом из создавшегося положения, поскольку такие работники «к научению ни-

какой прилежности не имеют, но токмо время продолжают и смен поджидают» [1. С. 98–99]. Сибирский приказ также разрешил использовать казаков на временной работе, но запретил «выключать» их из комплекта без указа императрицы [2]. Казаки отчаянно противились «переквалификации». Определение в «бергаурскую науку» они рассматривали как весьма тяжёлое наказание и просили перевести их на военную службу с последующим освобождением от горных работ. Однако выбор был невелик, и казаки были единственным резервом рабочей силы. На заводы и в горную работу казаки привлекались и в 50-е гг. XVIII в.

По Высочайшему Указу от 3 марта 1748 г. в округ стали поступать городовые казаки из гарнизонов Западной Сибири. Гарнизоны неохотно отдавали служивых, не обеспечивая их комплектом вооружения. Безлошадные были обязаны заработать деньги на покупку, «*ибо лошади тамо не в высокой цене состоят*» [1. С. 81].

Особую группу служивых составляли сибирские дворяне и боярские дети. Дворяне были привилегированной группой, но они происходили не из дипломированных дворян, а из рядовых служивых, отмеченных за личные заслуги или за выслугу лет. Сословие детей боярских было рангом ниже, нежели дворянское. Каждый казак за заслуги мог быть записан в боярские дети, затем мог попасть и в дворяне по московскому списку [3. С. 50].

До середины XIX в. сохранившиеся формирования городовых казаков выполняли полицейско-хозяйственные функции, оставаясь главным внутренним стражем в уездах [4].

Новая ситуация, сложившаяся во второй половине XIX в., позволила отказаться от услуг городовых казаков. 17 июня 1868 г. по представлению Военного ми-

нистра Государственным Советом был упразднён Томский конный полк. Казаки были переведены в сословие крестьян или мещан, разночинцев. Нижние чины и офицеры по изъявлению желания могли зачислиться в Сибирское казачье войско навсегда.

Беломестные казаки были частью иррегулярных сибирских войск XVII в. Их специально селили при южно-сибирских слободах и острогах для военного прикрытия в случае нападения кочевников. В отличие от подавляющего большинства категорий сибирских ратных людей беломестным казакам не полагалось всех видов жалования, поскольку возложенные на них обязанности были небольшими, но «за службу» они освобождались – «обеливались» (отсюда и название) от государственных налогов и повинностей и обязательно (причём довольно щедро) наделялись землёй.

Беломестные казаки служили поочерёдно в городах и острогах, в свободную неделю жили на участках земли, отводимых им за хлебное жалование с лугами для покосов, если желающие этого отвода были из числа конных [5. С. 172]. Не просившие земель бессемейные (холостые) казаки получали натурой по 24 пуда годового хлебного жалования [6. С. 136].

В Верхнем Приобье беломестные казаки жили в Белоярской крепости, Бердском остроге и приписанных к ним населённых пунктах; позже слились с крестьянами [7. С. 134]. Беломестные казаки участвовали в строительстве Белоярской крепости, одновременно являясь её гарнизоном [8]. Они же составляли гарнизон Бердского острога.

Беломестные казаки Белоярской крепости поочерёдно несли службу на Кольванском заводе Демидова в первые годы его работы. Завод находился далеко от острога, казаки вызывались на службу независимо от занятости их на полевых работах и, ввиду удалённости от своих семей, несли службу неохотно. Так, белоярские казаки, подобно крестьянам занимавшиеся хлебопашеством, в июле 1728 г. жаловались в Кузнецкую воеводскую канцелярию на тяжесть и обременительность своих долгих отлучек от родных мест «и от того пришли... во всеконечную скудость» [7. С. 35; 9; 10].

Чёрноместные (приписные, записные, выписные) казаки – крестьяне или посадские люди, мобилизованные на временную службу по охране военной линии, для строительства крепостей [5] или обработки казённых пашен. Это были казаки: а) из податных состояний, добровольно записавшиеся в служилое сословие, без исключения из подушного оклада; б) дети или внуки отставных, поселившиеся в деревнях без службы и позже зачисленные в службу без освобождения от подушного оклада; в) выписные с известного числа душ приграничных деревень. Эти казаки наряду с выполнением государственных повинностей, выплатой оброка и т.п. обязаны были нести казачью службу по охране границ, строительству крепостей, перевозке продовольствия и проч. Выписные казаки участвовали в строительстве Бийской и Белоярской крепостей. С 1747 г. они обрабатывали казённую землю на своих лошадях, собирали урожай, молотили хлеб и возили зерно в казённые магазины [11].

Выписные казаки несли службу по очереди, но в экстренных случаях их в любое время отрывали от работы и посылали на выполнение заданий. Наряду с регулярными войсками нередко бывали в сражениях, в которых «ревностно исполняли свои служебные обязанности» [3]. Столь тягостная жизнь выписных крестьян стала очевидной и для властей, которые постепенно сужали круг их обязанностей. В 1751 г. служивые были освобождены от обязательной десятинной пашни для казны и поставки провианта. В 1753 и 1754 гг. Сенат своими указами запретил отправлять выпис-

ных казаков далеко от дома. Выписные казаки, направленные на строительство крепостей и редутов на линиях, стали получать провиант и деньги наравне с линейными и городскими казаками. В 60-х гг. выписным казакам дано было очередное «ослабление»: они были освобождены от подводной гоньбы и некоторых других повинностей, но подати платили наравне с другими крестьянами [3. С. 95].

Воинская служба отнимала у выписных казаков немало времени, отвлекая их от выполнения прямых крестьянских обязанностей – сельскохозяйственных работ. 5 октября 1760 г. из Кабинета ЕИВ сибирским губернатором П.И. Соймоновым было получено секретное доношение, подписанное А. Олсуфьевым, с требованием зачислять крестьян в выписные казаки только в тех случаях, когда военная угроза и приближение неприятельских отрядов станут реальными [12].

Горные казаки («разъездные под названием казаков») сформированы в округе в 1829 г. Кабинетом по Высочайше утверждённому положению от 19 апреля 1829 г. [13]. Они были созданы по подобию команд «конных разъездных под именем горных казаков», сформированных на Екатеринбургских заводах ещё в 1805 г. Там они привлекались для полицейских нужд. Горный начальник Кольвано-воскресенских заводов обер-берггауптман Фролов решил использовать опыт уральских заводов [14]. Он перевёл в разряд горных казаков всех исполняющих обязанности полицейских (55 чел.).

Алтайская команда горных казаков была набрана из мастеровых низкой квалификации. За казаками были закреплены функции разносчиков корреспонденции, надзирателей за рынком, служителей при пожарных бочках за фурманов, при машинах за брандмейстерских учеников, при пожарных бочках для наполнения их водой при действии пожара, частных приставов и квартальных надзирателей [14. Лл. 2–4]. Казаки выполняли обязанности квартальных надзирателей, смотрителей, занимали другие низшие полицейские должности, развозили корреспонденцию, были рассылными и находились в личном услужении у горных офицеров. Судя по служебному использованию, горные казаки исполняли роль небольшого полицейского контингента [15]. Но они не входили в состав иррегулярных войск – это было ведомственное воинство.

Линейные казаки утверждаются со строительством крепостей и созданием оборонительных линий. В 1752–55 гг. построена Пресногорьковская (Горькая), в 1759–62 гг. – Кольвано-Кузнецкая оборонительные линии. Сюда переводились регулярные войска, казаки западно-сибирских городов [16], а также выписные казаки для периодической службы. В связи с массовым переселением городских казаков на постоянное житьё по линиям в 60-е гг. доля казачества среди служивых резко возросла.

Особой датой в жизни линейного казачества следует считать 19 августа 1808 г., когда было принято «Положение о Линейном Сибирском казачьем войске» в связи с выводом регулярных войск с линий в европейскую часть империи. Казачество на линиях осталось один на один с проблемами охраны края от внешних и внутренних врагов. Возник вопрос о пополнении его рядов. «Самовоспроизводство» казачьего войска (пополнение за счёт казачьих детей) уже не решало ближайших кадровых проблем. В 1819 г. было разрешено принимать в войсковое сословие и селить на казачьих землях отставных воинских чинов всех наименований. 18 февраля 1825 г. все военные поселяне в Сибири были обращены в станичные казаки [17].

На линейное казачье войско были возложены обязанности: 1) охрана Сибирской линии на всём протяжении, зани-

маемом войском; 2) содержание таможенной стражи на рубеже Киргизской степи; 3) защита «киргизских приказов» от хищников и исполнение при них полицейских обязанностей; 4) содержание в степи военных постов и коммуникационных пикетов; 5) сопровождение купеческих караванов; 6) высылка нарядов на томские золотые прииски для полицейского порядка; 7) заселение и защита вновь учреждаемых правительством линий, укреплений и постов.

Сверх того войско содержало своё внутреннее управление и отбывало земские повинности при постоянной осёдлости, а именно: 1) содержание в исправности дорог, мостов и гатей и перевозов в пределах войско-вой земли; 2) все местные обязанности, сопряжённые с подводной и квартирной повинностями; 3) препровождение арестантов [6. С. 152–153].

Столь обширные и нелёгкие обязанности казак выполнял с 19 лет бессрочно «доколе был в силах постоянно служить». Это подтвердил и Высочайший Указ от 19 августа 1808 г.: «Все чины Сибирского линейного войска, сообразно Оренбургскому, должны продолжать службу доколе в силах». Положением от 1846 г. срок непрерывной службы был определён в 30 лет.

Указом от 13 марта 1861 г. [18] было сделано значительное послабление в несении службы. Сказались упрочнение позиций властей в Сибири, замирение на всех её границах, стабилизация общества, особенно на кабинетских заводах и землях. Но главное, естественный прирост казачьего населения, разрешение вливаться в казачье сословие разночинцам и крестьянам, «иногородцам» позволили уменьшить остроту проблемы комплектования штатов казачьего войска. Была отменена постоянная служба казаков в станицах, сохранилась лишь служба по нарядам в степных и внутренних отрядах. Через два года службы в нарядах казаки получали «льготу» на 3–4 года для домашних занятий, затем вновь наступала очередь служить. Дозволялось в Сибирском казачьем войске производить «обмен очередями и наём на службу». Указом были узаконены уклонение от службы сынов богатых казаков и замена их казаками неимущими или не имеющими собственного хозяйства. Казаки были освобождены от работы в войсковых хозяйственных заведениях. Казаки наряжались (направлялись) на службу «только по мере действительной надобности».

В 1866 г. общий срок службы был сокращён с 30 до 22 лет. В 1871 г. вместо всеобщей в строевых частях очередной службы введена жеребьёвка (жеребий тянули на станичном сходе). Дети казаков, достигшие 19 лет, призывались (по жребию) служить 15 лет в полевом разряде (пользование льготами через 2 года службы сохранялось). После 15 лет службы казак причислялся на 7 лет в разряд внутреннеслужащих, затем увольнялся в отставку. Внутреннеслужащие исполняли обязанности полицейских. Молодых людей, не подпавших под военный жребий, записывали в неслужилые казаки [19]. Они занимались домашним хозяйством и в течение 22 лет вносили в войсковую казну по 10 р. в год [20. С. 54].

Новый устав воинской повинности Донского войска (1875 г.), распространённый до 1880 г. на Оренбургское и Сибирское войска, устанавливал срок службы в 20 лет (с 1903 г. – 18 лет). В течение этого времени казак проходил три этапа: 1) призывательный – три года (с 18 до 21 года); 2) строевой – последующие 12 лет; 3) запасный – 5 лет. Из 12 лет строевого разряда казак только четыре года находился на действительной службе (1-я очередь), остальные восемь лет – дома, с периодическим отбыванием трёхнедельных лагерных сборов (в полках 2-й и 3-й очередей). Каждый казак обязан был быть готовым к военной службе и иметь за

свой счёт обмундирование и лошадь. Увольнение от службы линейный казак мог получить только в исключительных случаях по медицинскому освидетельствованию и только при невозможности несения службы.

Посёлки и станицы, входящие в состав Сибирского казачьего войска и имеющие своё управление, располагались на юго-западной границе Алтайского округа, на землях Кабинета Его Величества, по рекам Иртышу, Бухтарме и Нарыму и внутри самого округа по Бийской линии.

Были неоднократные попытки реорганизации линейного казачества, которые сопровождались изменением и названия их: 19 сентября 1783 г. – Сибирской линии казаки, 9 августа 1808 г. – Линейное Сибирское казачье войско, 13 марта 1861 г. – Сибирское казачье войско.

5 декабря 1846 г. был издан Высочайший Указ, согласно которому войсковая территория была разделена на девять полковых округов. Состав войска был представлен девятью конными полками, тремя конными батареями, одной гвардейской командой и девятью резервными командами. Конные полки делились на три бригады [20. С. 48]. По всем частям своего управления и хозяйства в административном порядке Сибирское войско подчинялось Военному министерству (по департаменту военных поселений). Казачество делилось на округа. В пределах Алтайского горного округа линейные казаки были разделены на 7-й, 8-й и 9-й полковые округа.

Народонаселение войска составляли собственно казаки со своими семьями, приписные крестьяне, люди разного звания, зачисленные в войско до утверждения настоящего Положения. Сверх того (§ 6) войску по-прежнему дозволялось принимать в своё сословие: а) киргизов Сибирского ведомства, но не иначе как с приселением их к казачьим станицам; б) вольноотпущенных по узаконенным беспорядкам; в) людей, получивших свободу по окончательным приговорам присутственных мест; г) мецан-однодворцев и их государственных крестьян по изъявленному ими желанию и увольнительным видам своих обществ; д) крестьян сибирских губерний за неплатёж податей и недоимки свыше годового оклада; е) самовольных выходцев из государственных крестьян великороссийских губерний. Положением определялось, что лица, однажды поступившие в войсковое сословие, и их потомство остаются в войске навсегда.

Система управления войском включала как главное, так и местное управление. Всё Сибирское казачье войско подчинялось Военному министерству. Главное управление принадлежало генерал-губернатору Западной Сибири. Местное управление составляли: 1) наказной атаман; 2) начальник штаба войска; 3) войсковое дежурство; 4) войсковое правление; 5) войсковой прокурор; 6) войсковая врачебная управа; 7) окружные полковые управления и 8) станичные управления.

В то же время в связи с довольно заметными изменениями в регионе в лучшую сторону начался закат линейного казачества. Воинственная Джунгария давным-давно исчезла с политической карты мира, обстановка в Горном Алтае и в Горной Шории стабилизировалась. В 1819 г. Кузнецкая крепость была исключена из штатных оборонительных сооружений. В 1847 г. начался вывод казаков Кузнецкой линии: было выведено две сотни и столько же в следующем. В 1848 г. северная часть Кольвано-Кузнецкой линии – до Кузнецка – была упразднена. Часть казаков переселили на р. Копал, остальных перечислили в крестьянское сословие и вместе с отведёнными им в 1816–20 гг. землями отдали в распоряжение заводского начальства. Редуты и маяки от Бийска до Кузнецка пришли в негодность.

В 1855 г. генерал-губернатор Западной Сибири решил упразднить и Бийскую (Кольванскую) линию. За этим последовало выселение казаков с Бийской линии в Зайсанский край (долины рек Джемини и Верхней Бухтармы). 14 июля 1867 г. началось переселение казаков 9-го и 10-го полковых округов, занимавших Кольвано-Кузнецкую (Бийско-Кузнецкую) линию. Первыми выводились казаки Ануйского, Смоленского, Терского и Николаевского посёлков. Первоначально выселение производилось по жеребьевке, позднее оставшиеся казаки огульно вывозились на новые места в Казахские степи, но вскоре Военный министр издал новое распоряжение, запрещающее обязательное выселение казаков Бийской линии.

Переселение было хорошо подготовлено, производилось постепенно, достаточно демократично, даже почти добровольно. Высочайше утверждённое 19 октября 1870 г. мнение Государственного Совета «О водворении в Зайсанском крае двух поселений из казаков Сибирского казачьего войска, расположенных на Бийской линии, одно на реке Джемини при вновь устроенном Зайсанском посту, а другое – в долине Верхней Бухтармы» [21], регламентировало завершающий этап переселения. Предлагалось переселить четыре офицерских семьи и 50 казачьих «...*посредством вызова охот-*

ников (добровольцев. – А.М.); *если же таковых окажется недостаточное число, – то по жребью*». Казакам, изъявившим желание переселиться в новые края на собственный счёт (без пособий от казны), предоставлялось право выбора земельных участков, и земля передавалась им в частную, вечную и потомственную собственность. Переселяющиеся по жребью казаки получали землю в следующих размерах: штабс-офицеры – по 400, обер-офицеры – по 200, урядники и казаки – от 10 до 20 десятин удобной земли.

Таким образом, казаки укреплённых линий на территории Алтайского горного округа приняли участие в образовании Семиреченского казачьего войска. Позднее (1866–81 гг.) были упразднены 11-й и 12-й полковые округа.

Казаки Горного округа принимали активное участие в русско-японской и Первой мировой войнах. Отношение алтайского казачества к Советской власти было неоднозначным, но, в отличие от Донского казачества, резких антисоветских выпадов здесь не было. 25 марта 1920 г. Советское правительство издало декрет, позволявший создавать в казачьих областях местные органы самоуправления. Однако в том же году ВЦИК распространил и на казачьи области общие законоположения о землеустройстве и землепользовании, что обернулось ликвидацией казачества как военного сословия.

ЛИТЕРАТУРА И ПЕРВОИСТОЧНИКИ

1. *Ивонин А.Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996.
2. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Лл. 184–184 об.
3. *Головачёв П.М.* Сибирь в екатерининской комиссии. Этнод истории Сибири XVIII в. М., 1889. С. 50.
4. *Емельянов Н.Ф.* Численность и функции городских казаков Сибири // *Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники.* Томск, 1991. Вып. 1. С. 5–12.
5. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. СПб., 1886. С. 172.
6. *Небольсин П.И.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850.
7. *История Алтая* в документах и материалах. Конец XVII – начало XX в. Барнаул, 1991.
8. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 24.
9. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 15. Л. 376–377. Подлинник.
10. Кольвань. История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1994. Барнаул, 1998. С. 37–38.
11. Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // *Вопросы географии.* Сб. 31. М., 1953. С. 206–227.
12. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 326. Л. 38–41.
13. ПСЗРИ-II. Т. 4. № 2823.
14. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 3391.
15. *Соболева Т.Н., Разгон В.Н.* Очерки по истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Барнаул, 1997. С. 98.
16. *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII в. Омск, 1973. С. 78.
17. ПСЗРИ-I. Т. 40. № 30249.
18. ПСЗРИ-II. Т. 36. № 36730.
19. *Усов Ф.Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.
20. *Дорофеев В.А.* Методология и методика социологических исследований проблем казачества. Барнаул, 1995.
21. ПСЗРИ-II. Т. 45. № 48822.

Статья представлена кафедрой археологии и исторического краеведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 6 августа 1999 г.

УДК 930.2; 930.27

В.А. Есипова, В.М. Климкин, Ю.О. Чернявская

БУМАГА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 98-06-80501

Статья посвящена изучению источниковедческих возможностей одного из самых распространенных материалов для письма – бумаги. Рассматривается бумага, имеющая водяные знаки, произведенная по европейской технологии в XII – первой половине XIX в. Особое внимание уделено спорным вопросам терминологии и малозученным физическим и математическим параметрам бумаги (оптическая плотность, количественные характеристики водяного знака и др.). Их подробное изучение позволяет уточнить методику датировки и установления подлинности документов.

Вопрос о соотношении источниковедения со вспомогательными (специальными) историческими дисциплинами поднимался неоднократно. При всей разнице точек зрения все исследователи сходятся в одном: так или иначе источниковедение постоянно пользуется данными вспомогательных дисциплин. Это вполне закономерно и обосновано; 22

предметом источниковедческого анализа является исторический источник как комплексное явление культуры, характеризующее эпоху в тех или иных ее проявлениях. Очевидно, что многообразие источника в этом смысле практически неисчерпаемо; примерно об этом говорил в свое время М. Блок: «Разнообразие исторических свидетельств почти бес-